

Матвей Закадычный

*О том, о сём,
да было бы о чем,
ты мне, я тебе*

Козья
ножка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Матвей Закадычный

Козья ножка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54871391

SelfPub; 2020

Аннотация

Все люди разные, а печали да чаяния у всех одни. Как жить дружно и ладно, правильный путь проторить, хорошее замечать и не растратить. Улыбаться чаще, потому как без улыбки небо порой с овчинку кажется. Слезам тоже волю давать, ведь если запираешь их в себе, закаменеет сердце, трещинами пойдет. Под цигарку, на завалинке, смешные и грустные истории о жизни, смерти и любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	4
2	6
3	8
4	12
5	15
6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

1

– Эко ты неразумный, что ж вы там в своём городе делаете? Ты куру-то за бока слови да за ноги возьми. Вот ведь аборихен городской...

– Так она носится из угла в угол, не могу схватить!

– Ох-хо-хо, с вами с голоду помрешь! Дай сюды. Глядь. Вот так её, родимую, словил, взял...

– Так у вас уже опыт!

– А тут ума много не надо, курей-то ловить. Далее, берёшь в другую руку топор, к тюлечке подошёл и... Да сюда смотри, не рублю ещё! Не я, так курица сейчас со смеху помрёт. Эко, какой впечатлительный!

– Ну, смотрю!

– Смотри-смотри. Вот куру держишь вниз головой... Вишь, как черепаха голову втянула. Так ты раскрути её, вот так по солнышку, пусть она подивится, мож, я её сейчас в космонавты готовлю. Вот, смотри, шею вытягивает... Хоп, и все! Дай кровинушке стечь.

– Твою ж...

– Вот и вся наука: раскрутил, шею вытянула, а ты её на тюльку головой и топориком. Вот тебе и щи, вот те и жаркое.

– Да ну вас, выглядит не айс!

– Айс не айс, а кушать хотся! Ощипать, главное, не забыть... Ох уж вы, городские, впечатлительные, а едите сами

НЕ ЗНАМО ЧТО...

2

– Прасковья, ты новости глядела нынче? Видела, чаво творится? Не видать нам пенсии!

– Да ну ты, Матрена, ты в своём уме али как? Ты чего там высмотрела-то?

– А как же, сказали, что реформируют пенсию-то, теперь до неё надо доработать аж ещё сверху годков пять.

– Ты че, Матрена, так ты ж ужо на пенсии, тебе чего о сём думать?

– Ох уж, ты, Прасковья, тёмная душа, они же сказали, что пересчёты будут.....

– Матрена, Матрена, дурная твоя голова, это молодёжи тока, а нам с тобой крышка и четыре гвоздя, а то и один...

– Ага, кол осиновой, что б мы с тобой, Прасковья, не восстали да за пенсией не пришли...

– Ну, Матрена, рассмешила, гогочу, как сива кобыла! Дайка и я те чего расскажу. Вот на днях у Патрикеевны, ну, в субботу, что ли, дело было. Она, значит, печь затопила – дым клубом по избе, сажа на пол...

– Ох уж, божечки, че деется!

– Она, значит, перепугалась, из избы выскочила в чем была, крестится, на домину смотрит...

– И... И чего, чего далее-то?

– Так вот, смотрит, а её дед-то, Митрофан, возля трубы

сидит и ватник пихает...

– А может, он его доставал?

– Да не, а может, и доставал, черт его знает... Так вот, стало быть, смотрит она на него. То ли, говорит, сматюгнуться, то ли выть. И орёт ему: ты чегой-то там, Митрофанушка, позабыл? А он ей: так ты ж сама с месяц назад просила, чтоб я те дымоход прочистил. Вот тут мы с ней-то и посмеялись, как она мне про то рассказала...

– А чаво, чаво ватник-то?

– Да не в ватнике дело. Она, значит, ласки тогда захотела, а напрямую сказать постеснялася. Вот ему и говорит: почистил бы ты мне дымоход. Он тады отнекивался, причины искал, а она к нему уже с другой стороны. Конь, говорит, в стойле-то застоялся! А он как матюгнется: ты шо, баба, совсем с головой не дружишь? Откель, говорит, конь-то у нас? С печи чуть не свалился, полушубок накинул и айда к брату Семену самогон хлестать. А тут опомнился через месяц, сюрпрайз сделать решил.

– Ох, и не завидую я, Прасковья, Патрикевне – это ж надо, какого страху натерпелася!

3

Сидя в маленькой комнатухе за распитием горячительного, Петр терзался внезапно возникшим вопросом.

– Василич! Скажи. Мы вот со вчера сидим, план на сегодня строим...

– Угу! – угукнул в ответ Василич.

– Да что ты сразу «угу»? Ты послушай! Вот план строим со вчера, а сейчас уже сегодня. Так значит, сегодня уже надо по плану действовать или вчера, перешедшее на сегодня, это уже на послезавтра?

– Расторопша ты, Петя, расторопша! Ты что хочешь-то, спроси по-человечьи?

– Так я и спрашиваю! – продолжил, нервничая, Петр. – Вот есть план на сегодня...

– Угу! – снова подтвердил Василич.

– Ну, угу, и что? А план?

– Угу, план...

– Да погоди ты! Слушай, Василич. Есть, значит, план. План на сегодня, но так как мы сидим с тобой и строим его со вчера и плавно перешли на сегодня, значит, он изначально был на послезавтра?

– А что послезавтра? – неожиданно для себя Василич обнаружил, что на послезавтра есть план.

– Да ничего! – еще сильнее разнервничался Петр. – Я го-

ворю, по плану нашему сегодня будем дела делать? Или, если дальше будем планировать, то перенесем на послезавтра?

– А, сего-одня... – протяжно произнес Василич. – Сегодня будем что-то делать?

– Да погоди ты со своим «сегодня»! Еще не решили, план-то на сегодня со вчера или на послезавтра. Ты-то чего сам думаешь?

– Погоди, Петя, погоди! Значит, мы планируем сидим и все перенесем на послезавтра? То есть, сегодня опять будем думать, что делать? Тогда не пойму, зачем думали вчера про сегодня!

– Так я про то и говорю! – продолжил Петр. – Вчера начали думать о сегодня, сегодня думаем о сегодня, а так ведь нельзя. Если решили сегодня – стало быть, надо сегодня и что тут думать о...

– Налей уже! – встревожился о пропущенной Василич.

– Ну, а думать-то, думать что будем?

– Налей и подумаем. Оно так легче!

– Эх, хорошо пошла. Так вот, Василич. Сейчас план обдумываем и спать, а с утра будем делать.

– Не, Петя, погоди! Я так и не понял, а что мы со вчера думали, если сегодня все решим и сегодня сделаем? Надо как-то определиться, что сегодня, а что послезавтра...

– Да что тут думать. Спать и делать!

– Не, Петя. Я спать и делать не могу, надо что-то одно.

– А что одно? Надо по порядку. Сейчас спим, потом де-

лаем.

– Ага, понял. Только вот делать будем то, что еще на сегодня или на послезавтра или то, что со вчера?

– Погоди, Василич! То, что на сегодня – перенесем на послезавтра, а сегодня то, что со вчера!

– Ну так бы и сказал, что сегодня не будем ничего делать! А то заладил: вчера, сегодня, послезавтра...

– Как это? – удивился Петр. – Не будем сегодня ничего делать?

– Так ты же сам говоришь, что вчера думаем про сегодня, но так как со вчера думать продолжаем сегодня, значит, все на послезавтра. Или что-то не так?

– Василич, – прорычал Петр. – Если сейчас спать, то можем что-то сделать сегодня, а остальное – послезавтра!

– Нет, Петя! Тогда это не план.

– А что это???

– Муть какая-то! План – это когда решил и сделал все, а ты говоришь, мы только часть сделаем...

– Налей, Василич! Твою душу прошу и поболее.

– Эх, пошла! Еще по маленькой?

– Давай, Петя, давай!

– Хм. Хороша! Закуси шпротиной, – причмокивая, сквозь сон предложил Василич.

– Василич. Я так и не пойму: со вчера сидим, планы строим на сегодня, а когда делать-то будем?

– Эх! – зевая, ответил Василич. – Послезавтра, Петя, по-

слезавтра!

4

Как ты сюда попал? Знаешь, я не мог стоять в стороне и смотреть, как гибнут...

Зачем? Ты не свой для них.

А кто тогда для них свой? Те, что по ту сторону поля? А может те, что сидят высоко и манипулируют? Кто свой?

Ну, они могли бы и сами.

Сами? Наверное, да! Смогли бы! Только, знаешь, напуганы и забыли, что такое война.

Так это же не война?

Ты лучше сам себе ответь: если в округе не страшатся убивать твоих близких и родных, соседей, если гибнет и млад, и стар – что это?

Нападение!

Ты же сам понимаешь, что думаешь совсем о другом, а то, что говоришь сейчас – бред! Война – это война!

Вокруг земля выжжена, ямы от ракет и снарядов. Воспыханные траками поля, за которыми остатки цивилизации с разрушенными вдоль полей домами и постройками. И только местами нетронутые жилые кварталы в центре когда-то обжитого места.

Сидишь, доедая полевой обед. Наблюдаешь, как, сжавшись, бойцы теснятся друг к другу, подбадривая каким-нибудь словечком. А кто-то молча смотрит вдаль, на другой

конец поля, где также сидят и, может, даже обедают те, кто вчера был тебе соседом.

Иногда безумные картины. Вот один начинает бить себя котелком по голове и кричать благим матом. Или другой катается кубарем по полю, вырывая комья земли и бросая их в сторону своего ненавистника.

Пересчет патронов. Целая философия. Медитация. Один, два... рожок, еще один! Сегодня продержимся.

А завтра обещали, что отойдут.

Так и сегодня обещали, что прекратят.

Ни конца, ни края.

Вот еще один сдался. Всю ночь просто лупил с пулемета в пустоту. Днем артобстрел. Семью накрыло. Бяда!

Завтра! А что завтра?

Здесь нет ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Здесь – всегда!

Всегда настороже, всегда готов, всегда стреляют, всегда гибнут, всегда...

Только перелет птиц. Слышишь крик. Журавушка, журавушка... Уноси печаль-тоску в тепло, в уют.

Листва опадает – тоже не всегда. Всегда только бьда, горе, нескончаемое, неутолимое горе.

Неделю назад радовались. Деревушку взяли! Все целы! Рады!

Есть все-таки радость. Есть! Живой! Живой! Твою душу...!

Сегодня жив. Завтра... А что завтра? Умрешь и будешь
здесь всегда – всегда, земля, всегда твой!

Грустно. Обманывают. По обе стороны врут. Ждем.

Ждем, что прорвет сознание и все!

Все простим! Но не всех...

А когда домой?

А что, это не дом? Ты хоть думаешь, когда спрашиваешь?

Так дом – где мать, отец, семья, дети малые.

Да! К ним бы! Да у многих уже и нет никого.

А знаешь? Дай закурить!

Кури!

Свист, зашелестело!

Откурились, браток, откурились...

5

– Дед, рядом с тобой присяду?

– Садись, сынку, садись!

– Вот бы до твоих годов, дед, дожить и сидел бы вот так на лавочке да на мир смотрел.

– Та а чего сейчас ему не дивитьсяя?

– Так, все как-то не то. Не все клеится в этой жизни.

– На то и жизнь, чтобы жить.

– Ну, хочется как-то попроще, так, чтоб все получалось, не было зависимости...

– Смотри, сынку, видишь, барашек на привязи вокруг кола гуляет? С привязи ему никуда не деться. Вот вроде бы сорваться да по миру, земле-матушке погулять, так нет: там зверь лютой – загрызут, не выживет. А если и удастся, домой страшно прийти, хозяину под горячую руку попадаться. Мытарь, одним словом.

– Так а как же ему тогда, по кругу всю жизнь и зависеть от обстоятельств?

– Я тебе так скажу: начал бы барашек с малого, не все в одну сторону ходить, а путь свой заново бы пройти и ошибки пересмотреть. Глядишь, и привязь не понадобится, когда поймёт, что ближе ему!

6

– Любовь у тебя дурная, дикая! То кулаки распускаешь, то жмёшься нежнее пуха! Не пойму я тебя, Никифушка, не пойму чем живёшь, о чем думы думаешь...

– Вот ты рассулила, сопли распустила, чай уже не девка, а все туда же!

– Мы с тобой, родненький, уж много годов вместе, знаю порой, чего ждать от тебя, а порой не ведаю... Говорила мне мамка, что с тобою намаюся!

– Мать твоя ещё та баба! Вынь, положи да выкинь, семь пятниц на неделе! Все-то ей не то да не так! И ты такая же, два сапога пара!

– Ты мне ответь лучше, как жить дальше будем, устала я от такой любви, натерпелася..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.